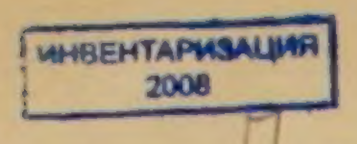
Довольно!

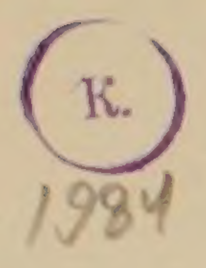
А. М.

ДОВОЛЬНО!

Отповѣдь крайнимъ партіямъ.

Свѣтлой памяти
князя С. Н. Трубецкого.

МОСКВА
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер. с. д.
1906.

Въ переживаемое нами тревожное время каждаго изъ насъ неотвязно преслѣдуетъ мучительный, роковой вопросъ: что намъ дѣлать, чтобы выйти изъ того критическаго положенія, въ которомъ мы очутились, и избѣжать дальнѣйшихъ ужасовъ междоусобной войны? Ни одинъ гражданинъ не имѣетъ права оставлять этотъ вопросъ безъ отвѣта: каждый долженъ такъ или иначе уяснить его себѣ.

Главное зло настоящаго момента заключается въ томъ, что нашу жизнь и нашу публицистику буквально заполонили крайніе взгляды, съ какою-то слѣпой нетерпимостью бойкотирующіе все, что несогласно съ ними, и стремящіеся къ безраздѣльному, деспотическому господству надъ умами. Но теперь такія крайности безусловно вредны, потому что подливаютъ масло въ огонь. Поэтому всякій, кому дорого отечество, долженъ всѣми силами противодѣйствовать крайнимъ партіямъ, противопоставляя имъ трезвые и умѣренные взгляды, которые одни только могутъ внести успокоеніе и вывести Россію на путь мирныхъ реформъ.

Когда въ обществѣ господствуетъ революціонный духъ, умѣренная точка зрѣнія не можетъ разсчитывать на особенный успѣхъ: въ такія времена даже либералъ рискуетъ прослыть реакціонеромъ. Авторъ считаетъ себя вполнѣ гарантированнымъ отъ этой позорной клички: читатель найдетъ въ немъ горячаго сторонника освободительнаго движенія. Но не менѣе позорнымъ считаетъ авторъ подлаживаться подъ какіе бы то ни было, хотя бы и доминирующіе, голоса и гнаться за дешевымъ успѣхомъ: во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ общественныхъ вопросахъ, нужно руководствоваться исключительно соображеніями истины и безпристрастія.

Весьма возможно, что въ тѣ дни, когда эта брошюра будетъ печататься, произойдутъ новыя событія, которыя не успѣютъ попасть

въ брошюру; но читатель проститъ эти упущенія, потому что событія бѣгутъ съ такой головокружительной быстротой, что поспѣть за ними нѣтъ никакой возможности. Полагаю однако, что настроеніе крайнихъ партій, критикѣ котораго посвящена эта брошюра, не подвергнется за эти дни существеннымъ измѣненіямъ, и общій тонъ его останется прежнимъ.

15 декабря 1905 г.

Audiatur et altera pars.

Кто изъ насъ въ состояніи забыть тѣ тяжелые дни первой всеобщей забастовки, когда жизнь остановилась, и вся Россія оцѣпенѣла, какъ въ летаргическомъ снѣ! Населеніе въ тревогѣ попряталась по своимъ домамъ. Улицы опустѣли и погрузились въ мракъ. Въ этомъ мракѣ словно чудились какіе-то призраки, изъ него доносились тревожные слухи и долетало зловѣщее карканье. Даже колокольный звонъ казался звукомъ набата. Въ воздухѣ пахло революціей.

Но это была предразсвѣтная мгла, и чѣмъ мрачнѣе была ночь, тѣмъ ярче вспыхнулъ смѣнившій ее разсвѣтъ. Отвѣтомъ на забастовку явился манифестъ 17 октября. Картина вдругъ рѣзко измѣнилась. У всѣхъ вырвался изъ груди вздохъ облегченія. Словно при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, все начало пробуждаться и оживать. Все пришло въ движеніе. Вчерашній страхъ смѣнился радостью. Улицы, дотолѣ безлюдныя, наполнились веселой, праздничной толпой. Тамъ и тутъ устроились импровизованные митинги.

Но на эту сіяющую картину, на эту первую свѣтлую страницу новой эры русской исторіи легли мрачныя тѣни, темныя пятна. Эти тѣни, эти пятна принесла съ собой ожесточенная борьба партій.

Достаточно вспомнить объ ужасахъ, творившихся черной сотней. Кто опишетъ ту панику, въ которую они повергли населеніе? Кто учтетъ страданія и стоны жертвъ, слезы ихъ близкихъ? Кто выразитъ возбужденное этой травлей негодованіе всего, что есть въ Россіи честнаго и мыслящаго? При одномъ воспоминаніи объ этихъ ужасахъ кровь стынетъ въ жилахъ, и душа проникается непримиримою ненавистью къ старому режиму, который въ этихъ кровожадныхъ оргіяхъ дикой и разнузданной черни обнажилъ передъ нами въ откровенной, циничной наготѣ весь аппаратъ своихъ излюбленныхъ средствъ и пріемовъ.

Но не объ этихъ проявленіяхъ партійности хочу я держать рѣчь. Какъ ни жестока, ни возмутительна была эта травля, какъ ни велико

то зло и горе, которое она причинила отдѣльнымъ лицамъ, или группамъ лицъ, мы все же можемъ найти противъ нея утѣшеніе въ томъ, что она не представляла никакой серьезной опасности для самаго освободительнаго движенія. Въ ней выразились послѣднія усилія умирающаго стараго порядка подняться. Но никогда ему не встать: онъ уже почти трупъ.

Гораздо опаснѣе, чѣмъ эти предсмертныя конвульсіи прошлаго, для освободительнаго движенія неровности и неправильности въ его собственномъ ходѣ: гораздо опаснѣе—та партійность, которая проявилась въ рядахъ піонеровъ самого этого движенія. Ея очагомъ сдѣлались соціалистическія партіи, сгруппировавшіяся вокругъ рабочаго пролетаріата и крестьянства.

Рабочій классъ съ первыхъ же шаговъ повелъ себя вызывающе по отношенію къ умѣреннымъ партіямъ. Это настроеніе выразилось, напр., въ той враждебности, съ какою 14 октября, въ моментъ всеобщей забастовки, делегаты городскихъ рабочихъ, собравшіеся на митингѣ въ Университетѣ, встрѣтили явившихся къ нимъ для переговоровъ депутатовъ отъ Московской Городской Думы,—и въ требованіи, которое они предъявили къ Думѣ, чтобы послѣдняя сложила свои полномочія и передала ихъ рабочему комитету.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что своимъ настроеніемъ рабочая партія хотѣла подчеркнуть сознаніе своей силы и увѣренность въ опирающейся на эту силу побѣдѣ. Теперь же она продолжаетъ идти особнякомъ, подчеркивая своимъ сепаратизмомъ гордость одержанной побѣды. Но зачѣмъ нужно было въ законный мотивъ классоваго самосознанія вводить ноту классовой исключительности? Это была фальшивая нота.

Кто станетъ отрицать важную роль, какую въ освободительномъ движеніи сыгралъ рабочій классъ? Это онъ своей дружной и прекрасно организованной забастовкой вынудилъ у правительства грандіозную уступку — манифестъ 17 октября. Кто посмѣетъ оспаривать у него добычу, доставшуюся ему въ этой побѣдѣ — право участвовать въ Государственной Думѣ? Но, съ другой стороны, какое право имѣетъ онъ заявлять притязанія на всю добычу? Развѣ побѣда принадлежитъ ему одному?

Освободительное движеніе началось не со вчерашняго дня. Красною нитью проходитъ оно черезъ всю новѣйшую русскую исторію. Разные классы общества принимали въ немъ дѣятельное участіе. Въ послѣд-

нее время оно охватило все русское общество: земства, города, союзы лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій—все громко требовало одного и того-же: политической свободы! Громадный толчокъ въ сторону реализаціи этихъ пожеланій и требованій и ускореннаго проведенія ихъ въ практику дала японская война, которая въ грубой и осязательной формѣ обнаружила даже передъ обывателемъ, обросшимъ корой обыденщины и неспособнымъ къ тонкому, идейному анализу фактовъ дѣйствительности, всю наглядную несостоятельность стараго режима. Вправѣ ли послѣ этого рабочее движеніе — струя въ историческомъ потокѣ освобожденія — считать себя цѣлымъ потокомъ?

Особенно видную роль въ освободительномъ движеніи всегда играла наша интеллигенція, которая въ наукѣ, литературѣ и публицистикѣ являлась провозвѣстницей идеи политической свободы и въ духѣ этой идеи воспитывала наше общество. Самоотверженно исполняла она свой гражданскій долгъ, не покидая своего славнаго поста и въ минуты особенно тяжелыхъ невзгодъ, и сквозь густой мракъ реакціи она бережно пронесла освободительную идею и передала ее нашему поколѣнію.

Но интеллигенція не только съумѣла взрастить и взлелѣять идею политической свободы на нашей неблагодарной общественной почвѣ: она самоотверженно проводила эту идею и въ жизнь, не отступая ни передъ какими гоненіями, не страшась никакихъ жертвъ.

Развѣ не изъ рядовъ этой интеллигенціи вышелъ тотъ, который первый осмѣлился перешагнуть черезъ средостѣніе, образовавшееся, благодаря несчастнымъ историческимъ обстоятельствамъ, между Русскимъ Царемъ и народомъ, и въ своей искренней, правдивой и простой рѣчи явился передъ Царемъ ходатаемъ за русскій народъ? Не называли ли мы его еще такъ недавно великимъ гражданиномъ, не засыпали ли мы вѣнками его преждевременную могилу?

Но, видно, у насъ память коротка: когда соціалъ-демократы хоронили своего вождя Баумана, мы за кричащей помпой этихъ похоронъ готовы были позабыть о своемъ великомъ гражданинѣ— князѣ С. Н. Трубецкомъ. Это потому, что мы еще политически незрѣлы, любимъ шумиху и смѣну впечатлѣній, и, поигравъ одной игрушкой, хватаемся за другую. Но политическую арену нельзя превращать въ калейдоскопъ: здѣсь требуется больше устойчивости,

больше постоянства, больше спокойствія, больше справедливости, больше умѣнія воздавать каждому должное, больше уваженія и терпимости къ чужимъ взглядамъ и интересамъ!

Вотъ этихъ то драгоцѣнныхъ качествъ у насъ еще, къ сожалѣнію, мало, безконечно мало! И чѣмъ, какъ не недостаткомъ этихъ качествъ, объясняется глубоко несправедливая и глубоко несимпатичная тенденція рабочаго пролетаріата умалять роль другихъ классовъ общества въ освободительномъ движеніи и приписывать все себѣ? Если онъ постарается хоть на мигъ побороть свое эгоистическое настроеніе, которое всегда больше всего мѣшаетъ человѣку быть справедливымъ и безпристрастнымъ по отношенію къ другимъ, если онъ посмотритъ на вещи непредубѣжденнымъ и трезвымъ взглядомъ, то онъ пойметъ дѣйствительные размѣры своей роли въ освободительномъ движеніи: если рука сдвинула съ пути какое-нибудь препятствіе, справедливо ли было бы приписывать этотъ поступокъ только мышцамъ руки и не хотѣть видѣть въ немъ участія мозга? Такъ и здѣсь: рабочій классъ явился только рычагомъ, который перевелъ въ практику идею, внушенную ему интеллигенціей. Можно утверждать категорически, что не будь этой идеи—забастовка рабочихъ осталась бы чисто-экономической забастовкой, никогда она не приняла бы политической окраски, а слѣдовательно никогда бы и не привела къ тѣмъ крупнымъ послѣдствіямъ, которыми такъ гордится рабочій классъ.

На это могутъ возразить: пути рабочаго класса расходятся только съ буржуазіей, потому что она—его заклятый врагъ, въ ней сосредоточено все, чему пролетаріатъ объявилъ войну не на жизнь, а на смерть. Сокрушить буржуазію! Вотъ аннибалова клятва пролетаріата! Но отворачиваться отъ интеллигенціи вовсе не входитъ въ програму рабочаго класса. Однако, въ этомъ кроется несомнѣнное и печальное недоразумѣніе.

Что такое буржуазія? Понятіе буржуазіи—вообще растяжимое понятіе. Въ узкомъ значеніи подъ буржуазіей разумѣется классъ капиталистовъ—купцовъ и промышленниковъ. Это—тотъ классъ, съ которымъ рабочіе соприкасаются ближе всего. Нельзя не сознаться, что въ немъ много, очень много людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ золоченомъ развратѣ—за бутылкой шампанскаго, за карточнымъ столомъ и въ уборной балетчицы, и все отношеніе которыхъ къ рабочимъ выражается однимъ словомъ: эксплуатація. Враждебное отношеніе рабочихъ къ подобнымъ элементамъ буржуазіи вполнѣ есте-

ственно, и рабочіе имѣли полное право вырвать изъ ихъ рукъ то, чего они не хотѣли давать имъ добровольно. Честь и слава рабочимъ! Пусть они и впредь къ такимъ людямъ подступаютъ съ суровымъ девизомъ: въ борьбѣ обрѣтешь ты свое право!

Но справедливо ли дѣлать всю буржуазію отвѣтственной за поведеніе нѣкоторыхъ ея элементовъ? Нѣтъ, такое огульное обвиненіе является уже признакомъ слѣпой, партійной нетерпимости пролетаріата! Развѣ буржуазія состоитъ исключительно изъ однихъ представителей описаннаго типа?

Начать съ того, что и въ торгово-промышленномъ классѣ есть не мало людей, готовыхъ по собственному почину идти навстрѣчу интересамъ рабочихъ. Но буржуазія не ограничивается и однимъ этимъ классомъ: она шире его. Въ широкомъ смыслѣ подъ буржуазіей разумѣются вообще всѣ имущіе классы, въ противоположность неимущему пролетаріату. Съ этой точки зрѣнія, къ буржуазіи придется отнести и земца-землевладѣльца, и обезпеченнаго врача, и состоятельнаго адвоката, и профессора. Объявивъ войну не однимъ гнилымъ элементамъ буржуазіи, но цѣлому буржуазному классу, пролетаріатъ тѣмъ самымъ неизбѣжно повернется спиной и къ его интеллигентнымъ членамъ. Но это было бы близорукимъ поведеніемъ и значило бы вмѣстѣ съ плевелами вырывать и пшеницу.

Очевидно, что въ этой исключительности рабочаго класса сказывается его тенденція стать господствующимъ классомъ общества. Но если рабочій классъ перестанетъ считать соломинки въ чужихъ глазахъ и оглянется на себя, то въ своемъ собственномъ глазу онъ замѣтитъ такое бревно, которое послужитъ ему серьезнымъ препятствіемъ играть передовую роль въ обществѣ: это бревно—необразованность. Рабочимъ нужно еще много учиться, чтобы подготовить себя къ политической роли, и учиться съ азовъ; а для этого менѣе всего цѣлесообразнымъ со стороны рабочаго пролетаріата было бы отворачиваться отъ интеллигенціи.

Могутъ возразить, что пролетаріатомъ и теперь руководитъ интеллигенція. Но начать съ того, что это—кучка, общественное же дѣло только выиграетъ, если въ немъ будетъ принимать участіе какъ можно больше интеллигентныхъ работниковъ; а интеллигенція по самой своей сущности—понятіе междуклассовое. Интеллигенція встрѣчается во всѣхъ классахъ общества. Много ея и въ буржуазіи. Выбрасывать за бортъ эту часть интеллигенціи только потому, что она принадле-

житъ къ классу, придерживающемуся другой политической программы— близоруко и несправедливо. Достаточно указать уже на то, что такіе вліятельные вожди рабочаго движенія, какъ Марксъ, Энгельсъ и Лассаль происходили изъ буржуазнаго класса.

Рабочимъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ пренебрегать «буржуазной» интеллигенціей, что та часть интеллигенціи, подъ вліяніе которой они попали у насъ, принадлежитъ къ крайнимъ партіямъ, проникнутымъ соціалистическими идеями. Эта то крайняя интеллигенція и старается воспитать рабочихъ въ духѣ классовой исключительности, думая, что заостривъ послѣднюю, она создастъ изъ нея наиболѣе пригодное орудіе для борьбы пролетаріата за его права. Но вѣренъ ли этотъ разсчетъ? Не совсѣмъ: это—орудіе обоюдоострое, во многихъ отношеніяхъ невыгодное даже съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ самого рабочаго класса, потому что было бы наивно думать, что всѣ прочіе классы общества будутъ безучастно относиться къ чрезмѣрнымъ требованіямъ рабочихъ: можетъ снова наступить реакція, и давно желанная свобода опять на время ускользнетъ между пальцевъ.

Но можетъ быть еще хуже. Крайняя интеллигенція, руководящая рабочимъ пролетаріатомъ, внушаетъ ему, что онъ—соль земли, все въ государствѣ. Но если бы рабочіе послушали умѣренную интеллигенцію, то они узнали бы отъ нея, какая участь грозитъ государству, въ которомъ одинъ какой-нибудь общественный классъ начинаетъ считать себя всѣмъ. Въ концѣ XVIII вѣка Франція переживала кризисъ, во многихъ отношеніяхъ похожій на тотъ, который въ настоящее время переживаетъ Россія, только ту роль, которую теперь у насъ играетъ рабочій классъ, тогда играла буржуазія. Какъ теперь рабочій классъ борется противъ буржуазіи, такъ тогда буржуазія боролась противъ аристократіи, и какъ теперь рабочій классъ хочетъ быть всѣмъ, такъ тогда этого хотѣла буржуазія: она отвернулась отъ прочихъ классовъ и пошла особнякомъ, своей дорогой. Къ чему же это привело? Исторія показываетъ, что это было одной изъ главныхъ причинъ того, что борьба окончилась не мирнымъ путемъ— не реформами, а привела къ жестокой и кровопролитной междоусобной войнѣ — къ революціи. То же можетъ быть и у насъ, если пролетаріатъ не откажется отъ своей узко-партійной политики классоваго эгоизма. И мы уже пережили первые ужасы революціи. Пусть они будутъ послѣдними и послужатъ намъ грознымъ предостереженіемъ отъ дальнѣйшихъ кровопролитій!

Но исключительность пролетаріата можетъ повести и къ другимъ, еще болѣе печальнымъ послѣдствіямъ—къ вмѣшательству въ наши дѣла западно-европейскихъ державъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго: въ исторіи уже бывали такіе примѣры. Интересы всѣхъ европейскихъ государствъ до такой степени тѣсно переплетены между собой, что безпорядки въ одномъ неизбѣжно отражаются и на другихъ. Поэтому ни одно государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ усиленія у насъ пролетаріата на счетъ другихъ общественныхъ классовъ. Это грозитъ общеевропейскимъ пожаромъ: пролетаріатъ—международная партія, и его броженіе въ одномъ государствѣ волною передается и въ другія. Но вмѣшательство иностранныхъ державъ въ русскія дѣла было бы позоромъ и униженіемъ для Россіи.

Неужели наши рабочіе хотятъ этого? Никогда не повѣрю, чтобы они этого хотѣли. Пускай, объ этомъ мечтаютъ нѣкоторые наиболѣе крайніе изъ ихъ вожаковъ, но простой русскій человѣкъ слишкомъ миролюбивъ, сердеченъ и добръ по своей натурѣ. Наши величайшіе писатели и мыслители преклонялись передъ этими его качествами, за эти качества отводили ему особое мѣсто среди прочихъ европейскихъ народовъ и пророчили ему обновленіе человѣчества на началахъ евангельской правды и любви. Теперь въ наши дни переоцѣнки или, вѣрнѣе, утраты всякихъ цѣнностей нашлись, конечно, новые пророки, которые глумятся надъ этими качествами русскаго народа, называя ихъ «мѣщанскими». Но не вѣрьте лжепророкамъ и храните свято завѣты Того, Кто училъ милосердію и любви! Не требуйте чрезмѣрнаго! Не думайте исключительно только объ интересахъ вашей партіи! Подумайте и о Россіи: она истерзана раздорами, изстрадалась и жаждетъ мира! Вы должны пожалѣть ее!

Во имя собственныхъ интересовъ, во имя русскаго освободительнаго движенія, во имя Россіи, во имя всего святого – умѣрьте ваши требованія и протяните руку другимъ партіямъ! Не забывайте, что не одни пролетаріи — братья между собой, но всѣ люди—братья!

* *
*

Рабочій классъ пойметъ это и одумается. Но его интеллигентные вожди—захотятъ ли они понять? Имъ не такъ легко отказаться отъ своей политической исключительности, потому что они руководствуются теоріей, а, какъ извѣстно, нѣкоторыя теоріи обладаютъ не-

чальнымъ свойствомъ дѣлать людей фанатиками, слѣпыми по отношенію къ фактамъ, не согласнымъ съ этими теоріями. Къ числу такихъ теорій относятся и тѣ, которыя впитали въ себя наши соціалисты.

Идеалъ, который они рисуютъ себѣ впереди, это — демократическое царство равенства. Вожди рабочаго пролетаріата, соціалъ-демократы говорятъ: Все зло современнаго общества заключается въ вопіющемъ неравенствѣ. Главная причина этого неравенства — сосредоточеніе орудій производства въ рукахъ кучки капиталистовъ, благодаря чему общество распадается на два лагеря: эксплуататоровъ-капиталистовъ и эксплуатируемыхъ, угнетенныхъ пролетаріевъ. Необходимымъ условіемъ для того, чтобы выйти изъ этого ненормальнаго положенія и создать общественное равенство, является экспропріація орудій производства и соціализація ихъ, т. е. передача ихъ изъ частныхъ рукъ въ руки самаго общества. Эту миссію долженъ выполнить пролетаріатъ, а средствомъ для ея выполненія должна ему служить классовая борьба.

Если соціалъ - демократы стремятся къ соціализаціи или обобществленію орудій производства, то соціалисты-революціонеры, руководящіе крестьянскимъ движеніемъ, стремятся къ экспропріаціи земель крупныхъ собственниковъ и передачѣ ихъ крестьянамъ.

Идеалъ будущаго общества, какъ онъ рисуется соціалистамъ— чрезвычайно возвышенный идеалъ, пожалуй, если хотите, — даже наивысшій, потому что общественное равенство есть принципъ, который искони проповѣдовался лучшими людьми. О теоретической цѣнности и законности самаго этого идеала, слѣдовательно, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Правда, многіе сомнѣваются въ осуществимости его на практикѣ и относятъ его къ области утопій. Но что даетъ право такъ категорически настаивать на его неосуществимости?

Историческій опытъ, показывающій, что никогда еще до сихъ поръ не существовало общества, въ которомъ бы имѣло мѣсто равенство? Но вѣдь все, что намъ даетъ историческій опытъ, это — только маленькій отрывокъ изъ жизни человѣчества, представляющій собой слишкомъ ничтожный просвѣтъ въ вѣчность.

Психологическое наблюденіе надъ природой человѣка? Но если мы станемъ на точку зрѣнія теоріи развитія, то гдѣ предѣлы развитію человѣка, и въ состояніи-ли мы учесть всѣ его будущія возможно-

сти на основаніи изученія только нѣкоторыхъ фазисовъ въ эволюціи человѣка?

Мы, конечно, не имѣемъ права утверждать, что этотъ идеалъ непремѣнно наступитъ, но, съ другой стороны, не имѣемъ права и категорически отрицать самую возможность его наступленія. Развѣ всякій, кто въ своей жизни поднялся надъ уровнемъ простого животнаго прозябанія и осмыслилъ свою дѣятельность и свое положеніе въ мірѣ, не работаетъ такъ или иначе для этого идеала? Развѣ вѣра въ прогрессъ не служитъ импульсомъ нашей дѣятельности, не придаетъ намъ силъ на жизненномъ пути и не дѣлаетъ наши шаги тверже и увѣреннѣе? И наоборотъ, не начинаемъ ли мы падать духомъ и слабѣть всякій разъ, когда въ насъ колеблется эта вѣра?

Нельзя не согласиться съ соціалистами и въ томъ, что капиталистическій строй въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь развертывается передъ нашими глазами, и съ тѣми отношеніями, какія завязались въ немъ между людьми, является вопіющимъ противорѣчіемъ идеалу и поруганіемъ послѣдняго, и что всякій, въ комъ жива совѣсть и сознаніе идеала, долженъ стремиться къ тому, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать разрушенію этого строя и этихъ отношеній и тѣмъ пролагать путь къ созиданію новыхъ, болѣе совершенныхъ отношеній и формъ жизни.

Итакъ, конечный идеалъ соціалистовъ, на мой взглядъ, является идеаломъ каждаго мыслящаго и истинно гуманнаго человѣка, поскольку онъ носитъ не «гордое», какъ хочетъ М. Горькій, а высокое имя: человѣкъ!

Но съ вопроса о томъ, какими путями идти къ осуществленію этого идеала, начинаются уже разногласія. И здѣсь, по моему мнѣнію, въ практикѣ нашихъ соціалистовъ много слабыхъ пунктовъ, здѣсь они во многомъ неправы.

Прежде всего, у нихъ нѣтъ достаточно вѣрнаго чувства темпа: они склонны черезчуръ ускорять его. Это выражается, напр., въ ихъ желаніи сдѣлать теперь же изъ Россіи демократическую республику. Но навязывать Россіи, въ настоящій моментъ, республиканскій образъ правленія—значитъ быть доктринеромъ, страдать отсутствіемъ чутья дѣйствительности и быть лишеннымъ исторической перспективы. Наука государственнаго права показываетъ, что республиканская форма правленія пригодна лишь для государствъ, въ которыхъ на-

селеніе стоитъ на болѣе или менѣе высокомъ культурномъ уровнѣ, обладаетъ развитымъ правосознаніемъ и созрѣло для полной политической свободы.

Если мы эту общую мѣрку приминемъ къ русской дѣйствительности, то увидимъ въ послѣдней полное отрицаніе перечисленныхъ условій. Республиканская форма правленія является въ настоящее время наименѣе подходящей для Россіи, какъ вслѣдствіе малокультурности, такъ и вслѣдствіе политической незрѣлости населенія нашего отечества. Скачёкъ отъ стараго режима, чуждаго принциповъ политической свободы, къ полному народовластію былъ бы слишкомъ рѣзкимъ и могъ бы повести лишь къ анархіи. При теперешнемъ состояніи Россіи, для нея самой подходящей формой правленія является конституціонная монархія. Если этого не видятъ, то это близорукость, если не хотятъ видѣть, то—неразборчивость въ средствахъ!

Ускореніе темпа сказывается и въ насильственности, съ какой соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры проводятъ свои идеи въ практику. Если соціалъ-демократическая теорія разсматриваетъ паденіе и разложеніе капиталистическаго строя какъ длинный историческій процессъ, считаетъ экспропріацію орудій производства дѣломъ отдаленнаго будущаго и самую эту экспропріацію представляютъ себѣ актомъ чуждымъ насилія, осуществимымъ путемъ легальнаго выкупа орудій производства изъ частныхъ рукъ въ общественное пользованіе, то на практикѣ наши соціалъ-демократы уклонились отъ этой теоріи, включили въ свою програму вооруженное возстаніе и тѣмъ протянули руку теоретикамъ насилія—соціалистамъ-революціонерамъ. Но такой насильственной тактикой наши соціалисты извращаютъ тотъ идеалъ, профанируютъ ту высокую цѣль, которой они должны служить.

Ни на минуту не слѣдуетъ забывать, что соціалистическое общество — очень отдаленный идеалъ. Теперь мы можемъ класть только камешки въ фундаментъ зданія будущаго общества, но чтобы построить законченное зданіе,—для этого у насъ пока нѣтъ ни архитекторовъ, ни рабочихъ. Неужели такими архитекторами могутъ считаться вожди пролетаріата и крестьянства, а рабочими, призванными сейчасъ построить это зданіе—пролетаріи и крестьяне? Но годятся-ли они для этой отвѣтственной миссіи? Безусловно нѣтъ! Что касается пролетаріата и крестьянства, то они слишкомъ грубы для этого: ихъ побѣда и господство въ настоящую минуту не только не осуществили

бы идеала соціалистическаго общества, но, совершенно наоборотъ, были бы полнымъ отрицаніемъ этого идеала. Проникнутые классовымъ сознаніемъ въ грубой формѣ классоваго эгоизма, они въ данную минуту не могутъ совершить походъ противъ капиталистическаго строя во имя какого-нибудь общественнаго идеала: въ ихъ рукахъ этотъ походъ не можетъ создать сейчасъ новой, болѣе совершенной формы общества на развалинахъ старой, а можетъ повести лишь къ простой перемѣнѣ ролей, при которой экспропріированный капиталистъ очутится въ положеніи эксплуатируемаго, а пролетарій займетъ его мѣсто на жизненномъ пиру и окажется въ роли эксплуататора. Но это было бы не только противно идеѣ общественнаго прогресса, который означаетъ приближеніе къ новымъ, усовершенствованнымъ общественнымъ формамъ, а не простую перестановку общественнаго верха и низа,— это противорѣчило бы и самой сущности соціалистическаго идеала, необходимымъ условіемъ котораго, какъ идеала равенства, является отсутствіе въ немъ классовыхъ противорѣчій: будущее соціалистическое общество, по понятіямъ самихъ соціалистовъ, есть общество безъ классовъ.

Но мало того, царство пролетаріата и крестьянства въ настоящую минуту ознаменовало бы собой пониженіе культурнаго уровня. Правда, соціалисты утверждаютъ, что въ ихъ будущемъ обществѣ культура будетъ значительно выше, чѣмъ въ современномъ капиталистическомъ, потому что тогда просвѣщеніе перестанетъ быть привиллегіей одной лишь избранной кучки и сдѣлается достояніемъ широкихъ массъ. Охотно вѣримъ имъ и не имѣемъ основанія не вѣрить. Но вѣдь это въ будущемъ идеальномъ соціалистическомъ обществѣ, а пока что, если мы не будемъ такъ загадывать впередъ, и взглянемъ на пролетаріатъ и его вождей въ томъ видѣ, какъ они сейчасъ стоятъ передъ нами, врядъ ли ихъ теперешнее состояніе и міровоззрѣніе могутъ быть хоть сколько-нибудь благопріятны для культурнаго преуспѣянія.

О самомъ пролетаріатѣ и крестьянствѣ нечего и говорить: ихъ почти еще не коснулось просвѣщеніе. А чего ждать отъ ихъ интеллигентныхъ вождей? Если попристальнѣе вглядѣться въ ихъ интеллектуальныя физіономіи и учесть ихъ научный багажъ, то многое окажется тамъ неблагополучнымъ съ точки зрѣнія истинной науки и ея идеаловъ.

Прежде всего, они крайніе утилитаристы въ наукѣ: для нихъ

наука не имѣетъ цѣнности сама по себѣ, для нихъ она—только орудіе политической борьбы и пропаганды. Но тотъ, кто цѣлью науки считаетъ исключительно ея прикладную полезность, тотъ не знаетъ истинной цѣны науки и не въ состояніи уловить главнаго нерва научнаго интереса. Что бы вы сказали о человѣкѣ, который такъ бы опредѣлилъ цѣнность религіи: религія имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку она сдерживаетъ массы въ уздѣ государственности? Вы сказали бы, что такой человѣкъ прежде всего—не религіозенъ, что онъ никогда не переживалъ въ своей душѣ религіознаго чувства и потому не знаетъ, что такое религія, иначе онъ не сказалъ бы того, что сказалъ.

Но то же самое можно утверждать и о томъ, кто изъ науки дѣлаетъ простое орудіе политики: значитъ, онъ просто не переживалъ того экстаза, того утонченнаго наслажденія, какое даетъ самое стремленіе къ истинѣ и научное творчество, и которое сродни эстетическому экстазу, испытываемому художникомъ, когда онъ творитъ.

Въ виду этого, можно утверждать, что утилитаристы не знаютъ истинной цѣны науки, и если въ наукѣ возьметъ верхъ кучка утилитаристовъ, то она въ состояніи только профанировать науку и захватать ее нечистыми руками, а такъ какъ наша крайняя интеллигенція состоитъ почти сплошь изъ утилитаристовъ, то ея господство можетъ повести только къ пониженію уровня науки, а слѣдовательно и культурнаго уровня вообще.

Симптомы такого неуваженія къ наукѣ я усматриваю въ отношеніи крайнихъ партій нашего студенчества къ университету.

Къ чести нашего студенчества нужно сказать, что оно во всѣ времена насчитывало въ своихъ рядахъ много цѣльныхъ, самоотверженныхъ натуръ, проникнутыхъ вѣрой въ лучшіе идеалы, готовыхъ стоять за нихъ горой и даже жертвовать своей жизнью за ихъ осуществленіе, что наша молодежь еще лишній разъ доказала въ послѣднихъ событіяхъ. За всѣ эти драгоцѣнныя качества наша молодежь всегда пользовалась горячими симпатіями лучшей части нашего общества.

Но какъ во многомъ другомъ, такъ и въ оцѣнкѣ нашей молодежи мы нерѣдко утрачивали чувство мѣры, превращали похвалу въ лесть и изъ предмета своихъ симпатій творили себѣ кумира. Зачѣмъ это? Во всякой оцѣнкѣ на первомъ планѣ должно стоять безпристрастіе. Никогда не слѣдуетъ отворачиваться отъ правды и малодушно

бояться смотрѣть ей прямо въ глаза. Воздавая должное достоинствамъ, никогда не слѣдуетъ замалчивать недостатковъ, которые имѣетъ и наша молодежь. Главный недостатокъ ея заключается въ нѣкоторой нетерпимости, нѣкоторой рѣзкости взглядовъ и дѣйствій. Молодежь — горячія головы! Этотъ пылъ хорошъ для борьбы, и представители нашей молодежи всегда были благородными рыцарями въ борьбѣ за освобожденіе. Помянемъ ихъ за это добрымъ словомъ и горячей благодарностью! Слава борцамъ за свободу!

Но пылъ и горячность имѣютъ и невыгодныя стороны: они мѣшаютъ трезво взвѣшивать отдѣльные ходы въ борьбѣ, а еще менѣе благопріятны для созидательной работы. Университетскій совѣтъ оказался рѣшительнымъ противникомъ публичныхъ политическихъ митинговъ въ Университетѣ. Студенты словно задались цѣлью игнорировать мнѣніе профессоровъ и забаррикадировали храмъ науки. Когда въ немъ засѣла посторонняя публика, и нѣсколько профессоровъ явилось отъ имени совѣтской комиссіи въ студенческій центральный университетскій органъ, съ просьбой очистить Университетъ, студенты заставили профессоровъ дожидаться, пока они окончатъ свои дѣла, и только съ трудомъ удалось добыть у нихъ ключи отъ зданія, завладѣть которымъ они не имѣли никакого права.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ къ профессорамъ было много несправедливаго и близорукаго. Профессорскія коллегіи сыграли крупную роль какъ въ общемъ освободительномъ движеніи, такъ и въ университетской жизни, добившись давно желанной автономіи. Хотя бы уже въ виду одного этого студенты не имѣли никакого основанія и никакого права отвертываться отъ профессоровъ. Студенты должны были отнестись болѣе бережно къ нѣжному цвѣтку автономіи, лелѣять и растить его, а для этого они должны были идти рука объ руку съ профессорами. Своимъ поведеніемъ они только подали поводъ несочувствующимъ имъ элементамъ сказать: «Вотъ и дали автономію, и что же изъ этого вышло?»

Но въ подобномъ отношеніи къ университету и профессорамъ сказалось болѣе, чѣмъ простая недальновидность: въ немъ выразились и печальные симптомы неуваженія къ наукѣ. Неужели профессора заслужили такое отношеніе? Нѣтъ, что хотите, не могу заставить себя скрасить и оправдать то, что, на мой взглядъ, не заслуживаетъ оправданія! Наши профессора, среди которыхъ много выдающихся ученыхъ съ европейскимъ именемъ — это цвѣтъ нашей

интеллигенціи, это мозгъ нашей родины! Оглянитесь кругомъ—какъ у насъ все сѣро, грубо и некультурно! И вотъ среди этой нищей, убогой жизни, среди пустыни грубости и тьмы невѣжества мерцаютъ отдѣльные огоньки, въ которыхъ горитъ свѣтъ знанія, науки—университеты! Вмѣсто того, чтобы раздувать это пламя и сооружать рефлекторы, которые лучами живительнаго огня освѣщали бы нашу бѣдную, темную родину, гасятъ и этотъ послѣдній светочъ! И кто же гаситъ? Не тѣ, которые живутъ во тьмѣ, но, по какому то роковому недоразумѣнію, гасятъ тѣ, которые хотятъ бороться съ тьмой! Но вѣдь это сдѣлаетъ тьму уже окончательно безпросвѣтной!

Еще такъ недавно, съ необычной дотолѣ помпой, провожали студенты въ безвременную могилу своего перваго автономнаго ректора—князя С. Н. Трубецкого. Было бы лучше, если бы, вмѣсто этой помпы, студенты постарались воздвигнуть ему памятникъ въ своемъ сердцѣ и исполнить его предсмертный завѣтъ: не дѣлать изъ университета улицу!

Если бы онъ могъ чувствовать и видѣть, что происходило вскорѣ послѣ его смерти, сколько горечи было бы въ его впечатлѣніяхъ! Да и постороннихъ наблюдателей, не имѣвшихъ прямого отношенія къ университету, но не утратившихъ духовной связи со своей alma mater, эти конфликты заставили пережить много тяжелыхъ минутъ!

И несомнѣнно, что въ такомъ отношеніи къ университету въ сильной степени виноватъ все тотъ же утилитарный взглядъ на науку, который и превратилъ храмъ науки въ арену борьбы политическихъ страстей!

Въ этой скорби остается намъ лишь одно утѣшеніе, что такъ отнеслась къ университету только часть студентовъ, представленная центральнымъ университетскимъ органомъ. Но отчего же болѣе трезвые и умѣренные элементы студенчества, не раздѣляющіе взглядовъ своихъ крайнихъ товарищей, не предупредили этихъ событій? Отчего они не съумѣли создать въ противовѣсъ имъ такой сильной организаціи, которая бы не допустила до подобнаго разгрома?

Къ сожалѣнію, утилитаризмъ въ наукѣ пустилъ у насъ слишкомъ глубокіе корни. Имъ прониклись не только интеллигентныя массы, но даже среди ученыхъ спеціалистовъ, знающихъ истинную цѣну науки, всегда встрѣчались лица, которыя вмѣсто строгаго, безпристрастнаго научнаго анализа, подъ соусомъ науки, подносили ни болѣе, ни менѣе, какъ политическую программу своей партіи.

Эта тенденціозность дошла до крайнихъ размѣровъ, когда у насъ воцарился *марксизмъ*. Никогда еще политика не вторгалась въ науку такъ навязчиво и беззастѣнчиво! Людямъ, которые позволяли себѣ имѣть свое сужденіе и дерзали подвергать критикѣ положенія марксизма, положительно стало невозможно дышать: имъ буквально зажимали рты. Дѣло дошло чуть только не до того, что нужно было на визитныхъ карточкахъ писать «марксистъ», чтобы быть допущеннымъ въ «порядочную» ученую компанію и не оставаться въ передней. Пристрастность въ сужденіяхъ обострилась до послѣдней степени. Когда, напр., вышелъ превосходный сборникъ «Проблемы идеализма», явившійся, можно сказать, *событіемъ* въ нашей научно-философской литературѣ послѣдняго времени, критика, почти всецѣло находившаяся въ рукахъ марксистовъ, отнеслась къ книгѣ болѣе чѣмъ *сдержанно*, чего она далеко не заслуживала по своимъ высокимъ достоинствамъ. Книга Риккерта: «Границы естественно-научнаго образованія понятій», представляющая собой *цѣнный* вкладъ въ методологію соціальныхъ наукъ, только потому, что авторъ ея путемъ научнаго анализа пришелъ къ выводамъ, неблагопріятнымъ для марксизма, была обозвана однимъ изъ ярыхъ представителей послѣдняго «памятникомъ буржуазной реакціи начала XX вѣка». Друзей науки непріятно покоробилъ уже самый этотъ эпитетъ «буржуазный» въ критикѣ научно-философскаго изслѣдованія: до сихъ поръ мы полагали, что научные изслѣдователи и ихъ критики должны сообразоваться въ своихъ сужденіяхъ исключительно съ *истиной*—и вдругъ въ область чистой науки, на страницы философскихъ изслѣдованій вторгается борьба политическихъ партій!

Утилитаризмъ наложилъ свое клеймо и на область *изящной литературы*: наши интеллигентныя массы все болѣе и болѣе отучались понимать художественную и моральную цѣнность литературныхъ произведеній и готовы были апплодировать каждой вещи, лишь бы въ ней звучала нота борьбы съ современнымъ строемъ.

Чѣмъ, какъ не этимъ обязанъ львиной долей своего успѣха М. Горькій. Было бы плоско отрицать въ немъ художественный талантъ, но если судить его справедливо, то нельзя не сознаться, что *мѣра* этого таланта далеко не пропорціональна интенсивности выпавшаго на его долю тріумфа и блеску окружившаго его имя ореола. Нѣкоторые критики справедливо замѣтили, что главная причина такого колоссальнаго успѣха М. Горькаго заключается въ томъ, что онъ высту

нилъ на литературную сцену въ самый разгаръ марксизма, явился пророкомъ соціалъ-демократіи и «буревѣстникомъ», накликавшимъ будущее движеніе пролетаріата. И этого было достаточно, чтобы возвести его въ санъ генія. Мы не хотѣли видѣть всей претенціозной натянутости и фальшивой позировки его героевъ и апплодировали имъ только потому, что дѣйствіе разыгрывалось «на днѣ». И за этой шумихой мы не вдумывались серьезно, чего можно ждать отъ этого пророка, если его проповѣдь проникнетъ въ самую «гущу жизни». Мы и не замѣчали, какимъ культурнымъ разгромомъ вѣяло отъ страницъ его произведеній, и какъ, борясь противъ нашей «обмѣщанившейся» интеллигенціи и противопоставляя ей (horribile dictu!) новаго культуртрегера—босяка, М. Горькій тѣмъ самымъ обмѣщанивалъ нашу культуру.

Эту нашу слѣпоту можно еще было объяснить тѣмъ, что Горькій убаюкивалъ нашъ умъ и нашу совѣсть красотой своихъ словъ, ослѣплялъ насъ мишурой своего изображенія и романтической дымкой, которой онъ окуталъ своего босяка. Но теперь онъ окончательно раскрылъ свои карты: бросая въ № 4 «Новой Жизни» взглядъ на русскую литературу съ утилитарно-классовой точки зрѣнія пролетаріата, онъ объявилъ «мѣщанскимъ» цѣлый періодъ нашей литературы, въ которомъ подвизались Тургеневъ и Толстой, только потому, что эти писатели были изъ дворянъ. Нужно совершенно утратить всякое чувство мѣры, чтобы съ такой беззастѣнчивой развязностью сводить съ пьедестала величайшихъ русскихъ писателей, которыми гордится Россія, и которые прославили русское имя заграницей! Но если таковъ сейчасъ пророкъ соціалъ-демократіи, то какихъ культурныхъ благъ мы можемъ ожидать отъ его послѣдователей?

А чего ждать отъ нихъ въ моральномъ отношеніи? Вся проповѣдь Горькаго была сплошной проповѣдью грубаго насилія, кулачнаго права! И въ этомъ отношеніи онъ явился только вѣрнымъ хранителемъ завѣтовъ марксизма. По ученію Маркса, не существуетъ никакой безусловной морали, которая была бы общеобязательна для всѣхъ временъ и для каждаго человѣка, а существуетъ только классовая мораль: буржуа имѣютъ свою мораль, а пролетаріи—свою. Но вѣдь это равносильно отрицанію всякой морали, потому что такой взглядъ оправдываетъ любой поступокъ, лишь бы онъ былъ выгоденъ въ интересахъ того класса, къ которому принадлежитъ лицо, совер-

шающее этотъ поступокъ. Въ основѣ такого взгляда лежитъ безнравственный принципъ: цѣль оправдываетъ средство, чреватый всякими насиліями, что наши соціалисты и доказали на дѣлѣ.

Логическимъ выводомъ изъ этого принципа является то положеніе марксизма, по которому единственнымъ средствомъ соціальнаго прогресса считается классовая борьба. Кто говоритъ! Это — могучее средство: кому и бороться съ капиталистическимъ строемъ, какъ не тому пролетаріату, который скованъ въ его цѣпяхъ, а для этого пролетаріату нужно расправить всѣ свои члены, т. е. объединиться всѣмъ классомъ. Но какъ единственное средство, классовая борьба недостаточна для прогресса, и менѣе всего для того идеальнаго будущаго общества, о которомъ мечтаютъ соціалисты: откуда возьмется тамъ та высшая справедливость, основанная исключительно на одномъ сознаніи общаго блага, то равенство, при которомъ не будетъ классовыхъ противорѣчій — эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ? Изъ одной классовой борьбы никогда не родятся эти качества, потому что въ классовой исключительности заложено сѣмя эгоизма а при такихъ условіяхъ, если бы даже когда нибудь на время и установились отношенія, основанныя на всеобщемъ равенствѣ, они не замедлили бы быстро исчезнуть съ лица земли и никогда не пустили бы корней, пока не была бы устранена главная причина всѣхъ общественныхъ золъ, всякой эксплуатаціи и неравенства — эгоизмъ и его спутники: ненависть, вражда и насиліе.

Совершенно очевидно, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для созданія болѣе совершенныхъ формъ общественныхъ отношеній можетъ быть только развитіе личности: ума—на принципахъ истинной науки, и сердца — на основахъ истинной христіанской морали любви и милосердія.

Если марксисты слѣпы къ этому, то своей слѣпотой они выдаютъ только свое антихристіанское міровоззрѣніе, которое находитъ объясненіе въ томъ, что марксизмъ—дѣтище матеріализма: не даромъ онъ носитъ еще и другое названіе — экономическій матеріализмъ. Матеріализму у насъ издавна повезло, какъ никакому другому ученію: наша интеллигенція прежде всего постаралась усвоить себѣ ходячіе катехизисы матеріализма, позитивизма, имморализма и смаковала Бюхнера, Геккеля и Ницше. Вмѣстѣ съ тѣмъ она бойкотировала метафизиковъ и относилась къ нимъ съ снисходительной усмѣшкой, вѣроятно потому, что не знала другихъ метафизиковъ, кромѣ „мета-

физика" Хемницера! И это весьма понятно, потому что метафизика менѣе всего укладывается въ рамки популярнаго изложенія и для своего пониманія требуетъ гораздо большей тонкости мышленія и философской подготовки. чѣмъ грубая и плоская философія матеріализма.

Это систематическое впитываніе матеріалистическихъ ученій не могло остаться безъ послѣдствій: какъ въ матеріальномъ мірѣ не пропадаетъ ни одинъ атомъ, такъ и въ духовномъ—ни одна идея не проходитъ безслѣдно для жизни и рано или поздно приноситъ свои плоды. Наши матеріалисты проникались наивнымъ и ложнымъ самомнѣніемъ, что они уже обладаютъ ключами къ тайнамъ мірозданія и съ легкой руки своего кумира– Ренана привыкали смотрѣть на Христа. какъ на «наивнаго мечтателя». Но это было горькимъ и опаснымъ заблужденіемъ. Никогда еще не было и не можетъ быть ничего выше христіанской морали: въ ней содержится абсолютная истина!

Поэтому если наши соціалисты дѣйствительно мнятъ себя реформаторами, призванными обновить общество на новыхъ началахъ равенства и справедливости, они должны прежде еще много поработать надъ собой въ культурномъ и моральномъ отношеніи. А пока что, фигура съ боевымъ кличемъ на устахъ... и опустошеннымъ сердцемъ сулитъ въ будущемъ мало утѣшительнаго. И пока она стоитъ передъ нами въ такомъ видѣ, мы вправѣ не довѣрять исходящимъ отъ нея обѣщаніямъ золотого вѣка и имѣемъ всѣ основанія остерегаться ея: въ томъ видѣ, въ какомъ она сейчасъ стоитъ передъ нами, она несетъ въ себѣ зародыши насилія и анархіи.

* *
*

Представители крайнихъ партій! Въ вашихъ призывныхъ клокахъ постоянно раздается слово: свобода! Но вы не усвоили себѣ истиннаго значенія этого слова.

Великая это вещь – свобода! Неотъемлемое право человѣческой личности, благо, дѣлающее человѣка вполнѣ человѣкомъ, мечта всѣхъ вѣковъ, могучій двигатель исторіи, наталкивавшій человѣка все на новые и новые подвиги, залогъ умственнаго и нравственнаго роста и совершенствованія человѣка!

Но все великое можно опошлить, все драгоцѣнное—истрепать и обратить въ лохмотья, прикрывающія мелкія побужденія! Такъ случилось у насъ и со словомъ: свобода! Слишкомъ уже часто размѣнивалось оно на мелкую ходячую монету, рискуя утратить свою

настоящую цѣнность! Вы кричите о свободѣ, а разумѣете подъ этимъ: все для васъ, и ничего для другихъ! Но развѣ въ этомъ состоитъ свобода? Въ прикрытіи личныхъ, эгоистическихъ, партійныхъ интересовъ? Нѣтъ, истинная свобода можетъ итти лишь рука объ руку съ законностью и правомъ! Человѣкъ свободенъ только въ границахъ, которыя указываетъ и отводитъ ему право, а за этими границами начинается уже право другого человѣка и его свобода. Девизъ истинной свободы гласитъ: живи и жить давай другимъ! Иначе свобода превращается въ безправіе, беззаконіе и произволъ!

Но не можетъ быть истинной свободы, если нѣтъ сильной государственной власти, потому что только такая власть способна обезпечить каждому гражданину неотъемлемо принадлежащую ему долю свободы и оградить его права отъ постороннихъ посягательствъ.

А вы стараетесь только объ одномъ, какъ бы окончательно подкопаться подъ единственную пока существующую у насъ власть — власть правительства. На это направлена львиная доля вашей дѣятельности. Для осуществленія этой главной вашей цѣли вы не жалѣете средствъ. Забывая, что правительство — лишь одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ организмѣ народной жизни, вы всю вину въ нашихъ неурядицахъ сваливаете на одно правительство. Каждый шагъ послѣдняго вы разсматриваете сквозь лупу вашихъ партійныхъ пристрастій, почему каждая ошибка правительства принимаетъ въ вашемъ изображеніи колоссальные размѣры и выростаетъ въ casus belli.

Чего хотите вы достигнуть вашими рѣзкими выходками противъ правительства? Хотите ли вы вынудить у правительства уступки? Но вѣдь правительство уже пошло на большія уступки, выразившіяся въ манифестѣ 17 октября.

Или вы не довѣряете правительству и боитесь, что оно возьметъ уступленное обратно и не осуществитъ обѣщаннаго на практикѣ? Довѣріе къ правительству, конечно, сильно поколебалось въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ. И въ этомъ упадкѣ довѣрія безусловно виновато само правительство своею двойственностью, тѣмъ, что оно отбирало одной рукой то, что давало другой, и что у него слово очень часто расходилось съ дѣломъ. Но въ настоящій моментъ правительство не можетъ не понять, что старый порядокъ упраздненъ безвозвратно, и что стремиться къ его возстановленію

значило бы не только стремиться къ невозможному, гальванизируя трупъ, но еще болѣе того—подкапываться подъ свое собственное и безъ того шаткое положеніе: уже изъ одного чувства самосохраненія правительство не вернется къ старому бюрократическому режиму. Слѣдовательно, бояться правительства съ этой стороны и этимъ питать свое недовѣріе къ нему—теперь нѣтъ основанія.

Если вы основываете ваше недовѣріе къ правительству на томъ, что правительство еще не гарантировало возвѣщенныхъ въ манифестѣ свободъ юридическими, законодательными нормами, то, вѣдь, во-первыхъ, законы не пекутся какъ блины, особенно законы, касающіеся такого сложнаго дѣла, какъ реорганизація цѣлаго государственнаго строя на новыхъ правовыхъ основаніяхъ, а во-вторыхъ, если бы даже правительство и опубликовало ихъ теперь, ваше психическое настроеніе все равно помѣшало бы вамъ повѣрить въ ихъ прочность и искренность. Законодательная нормировка свободъ теперь по плечу одной только Государственной Думѣ: лишь пройдя черезъ послѣднюю, она можетъ получить должную разработку и кредитъ въ глазахъ общества.

Вы указываете на то, что правительство, несмотря на возвѣщенныя имъ свободы, все еще не отрѣшилось вполнѣ отъ пріемовъ стараго порядка. Но вы забываете, что наше время—переходное время: старый порядокъ разлагается, и тутъ же рядомъ растутъ молодые побѣги новаго правосознанія. Въ такія эпохи всегда и вездѣ было много двойственнаго, всегда остатки стараго загромождали путь побѣдоноснаго шествія новаго, всегда господствовали противорѣчія между традиціями старыхъ учрежденій и новыми принципами, еще не успѣвшими вылиться въ опредѣленныя государственныя формы. Въ такія времена всегда царитъ хаосъ, юридическая и административная путаница. Почему же у насъ все должно быть иначе, чѣмъ вездѣ? Почему у насъ должно быть не постепенное разрѣшеніе выпавшей на нашу долю трудной исторической задачи, а внезапная перемѣна декорацій? Желать этого — значитъ утратить историческое пониманіе дѣйствительности.

Если же подъ «пріемами стараго порядка» и нарушеніемъ возвѣщенныхъ свободъ вы разумѣете то обстоятельство, что правительство продолжаетъ прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ, то, простите меня, вы или не понимаете сущности политической свободы и задачъ государственной власти и страдаете политической маниловщи-

ной, или же не хотите понять. Разъ человѣкъ живетъ не въ «естественномъ состояніи», а въ государствѣ, онъ по тому самому уже не можетъ обладать свободой дѣлать в с е, что захочетъ. На то и существуетъ государственная власть, чтобы, гарантируя, съ одной стороны, каждому гражданину извѣстный maximum политической свободы и правъ, съ другой стороны—не допускать его выходить за эти границы. Государство по самой своей сущности должно пресѣкать дѣянія, которыми одни граждане нарушаютъ права и интересы другихъ гражданъ, а равно и дѣянія, клонящіяся къ разрушенію общегосударственнаго порядка и цѣлости государства. По отношенію къ тѣмъ и другимъ всякое государство всегда прибѣгало и должно прибѣгать къ репрессіи.

Вы негодовали на правительство за подавленіе крестьянскихъ погромовъ. Но ни одно государство въ мірѣ не можетъ допустить у себя свободы грабить чужое имущество. Поэтому, напр., въ сферѣ крестьянскаго хозяйства наше правительство можетъ согласиться только на м и р н ы я реформы и должно въ ближайшемъ будущемъ озаботиться о выкупѣ помѣщичьихъ земель въ собственность крестьянъ. Правительство, конечно, само безусловно виновато въ томъ, что не позаботилось раньше объ упорядоченіи крестьянскаго землевладѣнія и довело его до полнаго истощенія и разстройства. Но крестьянскихъ п о г р о м о в ъ оно во всякомъ случаѣ допускать не можетъ.

Вы ропщете на правительство за то, что оно не хочетъ исполнять в с ѣ х ъ вашихъ требованій; но оно и не обязано этого дѣлать: вы не одни въ государствѣ, а правительство по самой своей сущности должно быть междупартійнымъ, стоять выше партій. Съ этой точки зрѣнія, все, что оно можетъ и должно дѣлать—это создавать компромиссы между партіями, придерживаясь обще-государственной политики. Исполнять же в с ѣ требованія одной какой-нибудь партіи—значило бы приносить ей въ жертву интересы всѣхъ остальныхъ партій.

Наибольшее озлобленіе вызвали въ васъ репрессивныя мѣры правительства по отношенію къ вашимъ главарямъ и пріостановка вашихъ органовъ печати. Вы усмотрѣли въ этомъ вопіющее нарушеніе свободъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября. Но вѣдь вся ваша дѣятельность послѣ 17 октября была однимъ сплошнымъ злоупотребленіемъ свободой.

Что представляла собой ваша пресса? Полное отрицаніе всякихъ нормъ, выработавшихся и установившихся за все время продолжи-

тельнаго пользованія печатнымъ словомъ. Взять хотя бы ваши сатирическіе журналы. Балагуря въ нихъ, вы въ своихъ вышучиваніяхъ перешли уже всякія границы дозволеннаго. Да и время ли въ такой серьезный моментъ, какой мы переживаемъ сейчасъ, заниматься плоскимъ балагурствомъ и дешевымъ зубоскальствомъ?

Въ вашей «большой» прессѣ вы не брезгали ничѣмъ: вы нарочно старались сгущать краски и нанизывали исключительно одни мрачные факты на другіе, вы не останавливались даже передъ инсинуаціями и извращеніемъ фактовъ, вы поднимали всю грязь и муть со дна нашей жизни, чтобы, усиливъ этимъ общее смятеніе, панику и замѣшательство, при помощи такого пріема достигать вашихъ цѣлей. Вотъ какъ вы поняли свободу печати! Но вѣдь это ужъ не свобода, а разнузданность!

Мало того, присвоивъ себѣ исключительную привиллегію писать все, что выгодно для вашей партіи, вы въ то-же время попрали свободу чужого слова. людямъ другихъ убѣжденій вы старались зажимать рты: вы отказывались печатать программы партій, газетныя статьи и брошюры, въ которыхъ проводились принципы, несогласные съ вашими взглядами.

И это насилованіе чужихъ мнѣній въ угоду вашимъ партійнымъ интересамъ, вы называете свободой печати!

Но вы пошли и еще дальше: вы наводнили вашу прессу рѣзкими воззваніями, въ которыхъ призывали народъ къ вооруженному возстанію. Вотъ для чего вамъ была нужна свобода печати! Вы сдѣлали изъ нея орудіе кровопролитія! Вы забыли, что истинная свобода должна заключаться въ томъ, чтобы трезво, умѣренно и спокойно пользоваться словомъ, какъ *мирнымъ культурнымъ средствомъ*, *для моральныхъ и разумныхъ цѣлей*, *въ интересахъ общаго блага*.

Когда правительство наложило на вашу печать свое veto, вы сочли это нарушеніемъ вашей свободы. Но почему вы считаете правыми только *себя*? Почему вы требуете какого-то всепрощенія отъ правительства, когда сами поступаете насильственно? Правительство не могло смотрѣть сквозь пальцы на ваши рѣзкія воззванія: ни въ одномъ культурномъ государствѣ нѣтъ и не можетъ быть свободы дѣлать революціи и создавать анархію, т. е. попирать всякую свободу!

Рѣзкости и нетерпимости вашей прессы вполнѣ соотвѣтствуетъ насильственность вашей тактики. Вы устраиваете кричащіе митинги

и демонстраціи, а сами вторгаетесь непрошенными гостями на засѣданіи и лекціи, устраиваемыя уважаемыми и почтенными дѣятелями, много лѣтъ плодотворно потрудившимися на нивѣ русскаго просвѣщенія — и срываете эти засѣданія и лекціи, вы устраиваете забастовку за забастовкой.

Противъ самой забастовки, конечно, ничего нельзя возразить по существу: это — могучее средство въ общественной борьбѣ, къ тому же, сравнительно съ другими средствами борьбы — безкровное, во всякомъ случаѣ — болѣе совершенная фаза въ эволюціи революціи. Пожалуй, до извѣстной степени, можно оправдать и счесть за требованіе простой солидарности въ классовой борьбѣ и то обстоятельство, что вы заставляете примыкать къ забастовкамъ и тѣхъ, которые по своей обывательской пассивности не хотятъ принимать въ нихъ участіе.

Но несомнѣнно, что вы утратили всякую мѣру въ примѣненіи забастовокъ. Вы забыли, что забастовка — средство героическое, съ которымъ нельзя шутить и нужно обращаться осторожно, къ которому можно прибѣгать лишь въ крайнихъ и экстренныхъ случаяхъ. А вы превратили забастовку въ ежедневное, заурядное явленіе, и едва успѣвъ прекратить одну забастовку, уже начинаете другую. Неужели вы не видите, что эти хроническія забастовки могутъ привести Россію, и безъ того подорванную войной, къ полному экономическому краху? Если вы этого не видите, то вы близоруки; если же вы сознательно руководствуетесь принципомъ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше — то не знаю какъ и назвать ваши дѣйствія: во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у васъ истинной гражданственности и патріотизма.

Что готовите вы намъ? Полное экономическое разореніе? Ужъ не думаете ли вы, что этотъ разгромъ теперешняго народнаго хозяйства создастъ благопріятную почву для процвѣтанія вашего пролетарскаго правительства и для будущаго благоденствія пролетаріата? Но это — роковое заблужденіе: на почвѣ всеобщаго разоренія, безработный, голодный пролетаріатъ будетъ въ состояніи поддерживать свое существованіе лишь грабежемъ, а ваше нищее правительство съ пустой казной не продержится и дня.

Въ вашихъ забастовкахъ вы пошли дальше дозволеннаго и перешагнули за ту грань, за которой забастовка уже превращается въ насиліе. Въ первую забастовку это сказалось, напр., въ прекраще

нiи функцiонированiя водопровода и аптекъ. Благодаря почтово-телеграфной забастовкѣ, не могли быть посланы телеграфныя распоряженiя о выдачѣ ссудъ земствамъ для пособiя голодающимъ крестьянамъ, и тяжелое военное положенiе въ Польшѣ должно было продержаться цѣлыя лишнiя сутки.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ безжалостному принципу: цѣль оправдываетъ средство—были принесены въ жертву элементарные принципы гуманности и человѣколюбiя.

Но все это меркнетъ передъ ужасами, сопровождавшими послѣднюю декабрьскую забастовку, которую вы превратили въ вооруженное возстанiе. Зачѣмъ вы это сдѣлали? Зачѣмъ понадобились вамъ потоки человѣческой крови, гекатомбы безвинныхъ жертвъ?

На что вы разсчитывали? Неужели вы серьезно думали, что въ 2—3 дня овладѣете Москвой, и что этого будетъ достаточно, чтобы многомиллiонный русскiй народъ во всѣхъ концахъ великой Россiи склонился предъ вами и призналъ васъ своимъ законнымъ правительствомъ? Какое ослѣпленiе! Что могло отуманить вашъ умъ до такой степени, что вы—кучка кое-какъ вооруженныхъ людей—дерзнули дать генеральное сраженiе всероссiйской регулярной армiи? Вы были увѣрены, что армiя перейдетъ на в а ш у сторону? Но всякiй благоразумный человѣкъ, мало-мальски знающiй русскаго солдата, заранѣе могъ вамъ сказать, что никогда этого не будетъ, что отдѣльные мятежи, принятые вами за возстанiе въ войскахъ, были вызваны исключительно э к о н о м и ч е с к и м и причинами, и что отъ нихъ еще безконечно далеко до измѣны присягѣ.

Очевидно, вы плохо взвѣсили ваши силы и бросились въ бой очертя голову. Но если вы такъ мало были освѣдомлены о дѣйствительной психологiи русскаго солдата, то какое право имѣли вы категорически утверждать во всеуслышанiе, что ваша побѣда обезпечена, и что армiя не нынче-завтра будетъ на вашей сторонѣ? Эти завѣренiя были преступны, потому что ими вы вовлекли въ обманъ рабочiй народъ и повели его на разстрѣлъ. Можно ли такъ опрометчиво и легко играть сотнями человѣческихъ жизней! Тутъ уже вы дошли до того предѣла, за которымъ кончается власть человѣческаго слова! Богъ—вамъ судья, и къ нему вопiетъ кровь обманутыхъ вами невинныхъ жертвъ!

Впрочемъ, заставитъ ли васъ это одуматься? Вы опять, пожалуй, начнете возбуждать рабочiй народъ къ новому вооруженному возстанiю и усилите вашу революцiонную пропаганду въ армiи. Ничего вы этимъ не достигнете: войско не измѣнитъ своей присягѣ.

Но предположимъ даже, что это бы случилось—вы все равно выиграли бы отъ этого мало: войско, въ которомъ революціонная пропаганда подорветъ всякую дисциплину и лояльность, будетъ плохимъ подспорьемъ и для васъ самихъ, потому что сегодня оно будетъ биться за васъ, а завтра, если вы ему не съумѣете угодить, или утратите въ его глазахъ авторитетъ, оно расколется и пойдетъ за разными авантюристами, которые сдѣлаютъ изъ Россіи арену кровопролитной междоусобной распри—и въ этой распрѣ погибнете вы сами.

Нѣтъ, деморализированіе войскъ — роковая ошибка, потому что единственная власть, которая въ состояніи вывести Россію изъ современнаго кризиса—это власть правительства. Вы скажете, что правительство потеряло голову. Но не вы ли сами, систематически терроризируя правительство, способствуете этому? Вы возразите, что правительственная власть шатается и колеблется. Но назовите мнѣ другую власть, которая была бы въ силахъ уладить конфликтъ? Такой власти нѣтъ. Есть только отдѣльныя партіи, въ свою очередь распадающіяся на фракціи, которыя ожесточенно борются между собой. Согласитесь, что это слишкомъ зыбкая почва для твердой власти!

Ужъ не вы ли собираетесь дать намъ эту власть? Но отъ васъ мы слышимъ пока только одни протесты, крики негодованія и вызовы! Мы еще не видѣли отъ васъ созидательной работы. Тамъ же, гдѣ вы являетесь организаторами, вы дѣйствуете исключительно въ узкихъ интересахъ вашей партіи, прибѣгаете къ насилію и проявляете полный индифферентизмъ по отношенію къ обще-государственнымъ интересамъ. Не нужно намъ такого правительства!

Вы ратуете противъ насилій стараго правительства. Кто споритъ: оно не разъ проявляло себя насиліями и злоупотребленіями. Но что вы можете дать намъ взамѣнъ? Судя по всѣмъ вашимъ поступкамъ, вы способны дать намъ на мѣсто стараго только новое насиліе, и, пожалуй, еще сильнѣйшее, потому что что можетъ сравниться съ насиліемъ толпы? И если, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ и злоупотребленіяхъ, старое правительство все же было способно создать хоть что нибудь—что создадите вы взамѣнъ? Лучше хоть какое-нибудь правительство, чѣмъ никакого! Лучше хоть какой-нибудь порядокъ, чѣмъ анархія!

Нѣтъ, вамъ нужно трезво взглянуть на себя и отказаться отъ ложной, роковой мысли, будто вамъ однимъ открыты тайны какой-то

высшей политической мудрости, и будто все на Руси существуетъ только для васъ и должно склониться передъ вами... Вы должны столковаться съ умѣренными партіями, пойти на компромиссы и уступки, и протянуть имъ руку и вмѣстѣ съ ними идти по пути мирныхъ реформъ въ освободительномъ движеніи. А для этого вы прежде всего должны, вмѣстѣ съ прочими партіями, помочь правительству вывести Россію изъ современнаго кризиса. Если въ томъ или другомъ случаѣ правительство будетъ поступать беззаконно и узурпировать, давайте ему отпоръ, но не подогрѣвайте въ себѣ искусственно недовѣріе къ правительству систематическимъ, принципіальнымъ бойкотомъ всякой правительственной мѣры только потому одному, что она исходитъ отъ правительства. Возведенное въ принципъ, недовѣріе къ правительству—угрожающій симптомъ; онъ приведетъ Россію къ полной анархіи и къ полному краху. Теперь не время торговаться съ правительствомъ, сводить счеты и разбирать, кто правъ и кто виноватъ. Теперь нужно поддержать правительство и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы выйти изъ ужаснаго положенія. Пора отъ критики и взаимныхъ попрековъ переходить къ мирной, созидательной работѣ. Но такая созидательная работа осуществима только въ Государственной Думѣ. Тамъ вы получите возможность легально заявлять ваши требованія и облекать ихъ въ форму законовъ, благо манифестомъ 17 октября Дума получила законодательныя функціи.

Правительство и зоветъ васъ въ Думу. Вы хотите сорвать Государственную Думу и требуете учредительнаго собранія. Но этимъ вы опять-таки соскальзываете на путь анархіи. Подумайте только, что изъ этого выйдетъ? Учредительное собраніе можетъ высказаться за республику. Но, не говоря уже о томъ, что республиканскій строй совершенно не соотвѣтствуетъ современному культурному уровню Россіи, самый вотумъ учредительнаго собранія за республику послужитъ яблокомъ раздора и вызоветъ съ разныхъ сторонъ отчаянное, фанатическое сопротивленіе, борьбу не на жизнь, а на смерть. Кромѣ того, учредительное собраніе внесетъ полную юридическую путаницу въ умы, потому что, являясь актомъ, которымъ правительство временно слагаетъ съ себя власть, учредительное собраніе знаменуетъ собой перерывъ власти.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, правительство никогда не исполнитъ и не должно исполнить вашего требованія о созывѣ учреди-

тельнаго собранія. Все, что правительство можетъ и должно сдѣлать это подѣлиться своей властью съ обществомъ посредствомъ законодательной и контролирующей дѣйствія правительства Государственной Думы, и только такимъ путемъ можетъ быть гарантировано сохраненіе государственнаго порядка, потому что Государственная Дума является не перерывомъ власти, а органическимъ, закономѣрнымъ фазисомъ въ развитіи самой государственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государственная Дума окончательно узаконитъ конституціонную форму правленія, наиболѣе отвѣчающую современному уровню русскаго народнаго правосознанія.

Въ Государственной Думѣ—расширенной манифестомъ 17 октября—единственное спасеніе Россіи!

* *
*

Манифестомъ 17 октября Россія вводится въ семью правовыхъ государствъ. Событіе величайшее въ русской исторіи, представляющее собой ея поворотный пунктъ: русскіе люди изъ пассивныхъ обывателей, жившихъ подъ полнымъ началомъ правительственной опеки, превращаются въ активныхъ, свободныхъ гражданъ, получаютъ право вершить свою судьбу и по собственному усмотрѣнію устраивать свою жизнь. Открываются дивные просвѣты въ будущее, широкіе горизонты законности, прогресса и мощи для Россіи! Пусть же 17 октября станетъ для всѣхъ насъ праздникомъ примиренія! Забудемъ наши личные счеты и партійную вражду, кровь и раздоры! Сознаемъ свое родство, какъ свободныхъ гражданъ, проникнемся другъ къ другу братскимъ расположеніемъ, будемъ всѣми силами нашей души воспитывать въ себѣ чувство законности и пониманіе истинныхъ задачъ государственности и политической свободы, основанной на взаимномъ уваженіи и довѣріи! Займемся тихой и мирной подготовкой къ Государственной Думѣ, а собравшись въ Думѣ, начнемъ покойную, трезвую и честную созидательную работу, въ которой такъ нуждается наше бѣдное, изстрадавшееся отечество! И только при такихъ условіяхъ, долго скованный въ цѣпяхъ безправія, нужды и умственной тьмы русскій народъ расправитъ свои могучіе члены, выпрямится во весь свой гигантскій ростъ и развернетъ свои дремлющія силы во всю ихъ необъятную ширь!

Всѣ умѣренные, благоразумные и искренне любящіе Россію люди—соединяйтесь!
